

ПОЛЕМИКА

DOI: 10.31857/S086919080009063-6

О «САКРАЛЬНОМ», СТРУКТУРЕ ВЛАСТИ НА ВОСТОКЕ И ЗАПАДЕ,
А ТАКЖЕ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ВОСТОЧНОГО И ЗАПАДНОГО ПУТИ
РАЗВИТИЯ (ОТВЕТ «ГРУППЕ ЧЕТЫРЕХ»)

© 2020

А.Л. РЯБИНИН ^{a, b, c}^a – Институт востоковедения РАН, Москва, Россия^b – Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Россия^c – Государственный академический университет гуманитарных наук (ГАУГН), Москва, Россия

ORCID ID: 0000-0003-1053-4631; rjabinin50@rambler.ru

Резюме: Статья развивает дискуссию, посвященную понятию «сакральное на Востоке», в продолжение обсуждения концепций, сформулированных во введении к одноименному сборнику статей, изданному ИВ РАН в 2017 г., и отчасти оспоренных в рецензии на него, опубликованной в «Востоке» двумя годами позже. В настоящей публикации автор – ответственный редактор, автор введения и одной из статей сборника – отстаивает свои взгляды на ряд актуальных проблем, затронутых как в сборнике, так и в рецензии, рассматривая взаимоотношения власти и общества на Западе и на Востоке, первостепенное значение кочевой периферии для формирования сильного государства в странах Востока, ключевые исторические и политические отличия, лежащие в основе различия путей развития стран Западной Европы и стран Азии и Африки. Касаясь актуального вопроса об оксиденталистике как науке, автор высказывает уверенность в том, что именно историк-ориенталист располагает достаточным материалом, знаниями и выгодной стартовой позицией для исследования различий исторического развития как Запада, так и Востока, определение которого дискутируется и уточняется в статье. В публикации уделяется внимание ряду общих вопросов, среди которых понимание «естественного» хода исторического процесса, соотношение религиозной и светской власти на Востоке и на Западе, формулировка соотношения общества и власти в определении конфигурации социума и вопрос о причинах отставания стран Востока от стран Запада ввиду необходимости усиления государств, существовавших в условиях постоянной угрозы нашествий народов, обитавших в пределах кочевнического ареала.

Ключевые слова: сакральное, оксидентализм, структура власти, Восток–Запад, научная дискуссия.

Для цитирования: Рябинин А.Л. О «сакральном», структуре власти на Востоке и Западе, а также об особенностях восточного и западного пути развития (ответ «группе четырех»). *Восток (Oriens)*. 2020. № 2. С. 187–199. DOI: 10.31857/S086919080009063-6

OF ALL THINGS 'SACRED', THE STRUCTURE OF POWER IN THE EAST
AND WEST, AND OF THE EASTERN AND WESTERN WAYS
OF DEVELOPMENT (THE ANSWER TO THE "GROUP OF FOUR")

© 2020

Alexei L. RYABININ ^{a, b, c}^a – Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow, Russia^b – National Research University Higher School of Economics (HSE), Moscow, Russia^c – State Academic University for the Humanities (GAUGN), Moscow, Russia

ORCID ID: 0000-0003-1053-4631; rjabinin50@rambler.ru

Abstract: The article continues to look into the concept of “sacrality” in the East, continuing the discussion of concepts earlier formulated in the introduction to the eponymous collection of articles published by the IOS RAS in 2017 and partially challenged in a review published in *Vostok /Oriens* two years later. In this publication, the author, himself the executive editor, author of the introduction and one of the articles in the collection, defends his views on a number of urgent subjects raised both in the collection and in the review. These problems touch upon the relationship between government and society in the West and the East; the paramount importance of the nomadic periphery to the formation of a strong state in the East; the key historical and political differences that underlie the divergent development of Western Europe and Asia and Africa. Speaking about the much-sought issue of Occidentalistics as an academic research field, the author expresses confidence that it is the Orientalist historian who possesses sufficient material, knowledge and a favorable starting position to study the differences in the historical development of both the West and the East, the definition of which is further discussed in the article. The publication looks at a number of general issues, including the understanding of the “natural” course of historical process; the relationship between religious and secular power in the East and the West; how institutional evolution influenced the configuration of society; and finally why East developed slower than West due to the need to strengthen the state that existed under a constant threat of invasions by peoples within the nomadic range.

Keywords: sacred, Occidentalism, concept of power, Orient and Occident, academic discussion.

For citation: Ryabinin A.L. Of All Things ‘Sacred’, the Structure of Power in the East and West, and of the Eastern and Western Ways of Development (The Answer to the ‘Group of Four’). *Vostok (Oriens)*. 2020. No 2. Pp. 187–199. DOI: 10.31857/S086919080009063-6

В № 2 журнала «Восток (Oriens)» за 2019 г. была опубликована рецензия [Железнова, Ульянов, Орлова, 2019] за подписью четырех востоковедов (Н.А. Железновой, М.Ю. Ульянова, Н.А. Орловой и С.В. Дмитриева) на вышедший в 2017 г. сборник статей «Сакральное на традиционном Востоке» [*Сакральное на традиционном Востоке*, 2017]. Сама рецензия носит мистический, если не сказать сакральный, характер, так как подобное коллективное творчество не позволяет понять, кто отвечает за какую часть текста, кому предъявлять претензии за упреки и приносить благодарности за похвалу. Впрочем, последняя настолько скупа, что автор решил сосредоточиться на обвинениях, выдвинутых ему «группой четырех» как ответственному редактору, автору введения и одной из статей.

Уважаемые авторы рецензии упрекают ответственного редактора и автора вступительной статьи в том, что в Предисловии не «обозначено общее проблемное поле “сакрального”», не «дано его определение (пусть и «рабочее». – выделено А.Р.), исходя из которого авторы статей изучают феномен сакрального в том или ином регионе, в ту или иную эпоху, в той или иной форме проявления» (с. 222). При этом, противореча себе, уважаемые рецензенты буквально через абзац отмечают, что в Предисловии все-таки есть «конкретизация» сферы сакрального, характерной для архаичного человека, ссылаясь на с. 7 нашего сборника, понимающаяся как ««сфера неизвестного”, связанная с понятием “ритуального запрета”, которая располагается “за тонкой пленкой мира профанного”, при этом одновременно и “трансцендентна” и прямо с ним сообщается» (с. 222). Определение, конечно, не исчерпывающее, но уж *рабочим-то* его можно считать уверенно. Так что, как сказал классик: «Поздравляю вас, граждане, соврамши».

Уважаемые рецензенты упрекают меня в пересказе и цитировании двух работ М. Элиаде, «которого по объективным причинам трудно считать единственным или хотя бы в полной мере актуальным авторитетом по обсуждаемой проблеме» (с. 222). Каковы же «объективные причины», по которым ««интеллектуального гуру мировой величины”, как его называют на Западе» [Горшунова, 2019, с. 14], нельзя считать подобным авторитетом? В его работах [Элиаде, 1994; Элиаде, 2005] высказываются основанные на огром-

ном корпусе источников фундаментальные суждения, в том числе и по вопросам сакрального. Возможно, уважаемым рецензентам не нравится, что Мирча Элиаде некогда принадлежал к ультранационалистической Железной Гвардии?

Основываясь на моем утверждении, что ««поначалу сакрализации подлежали именно предметы», обладающие особыми качествами¹, а потом и человеческая деятельность, воспроизводящая “сакральный прообраз”» (с. 222), уважаемые рецензенты полагают, что: «было бы разумнее утверждать, что части сборника будут посвящены “сакральным предметам” и “сакральным практикам”». Но почему? Понятие «сакральное» отнюдь не ограничивается «предметами» и «практиками». Помимо этих категорий существует сакральное восприятие космоса, природы, землеустройства (сакральная география), социального устройства и т.д. Свести все это к сакральным «предметам» и сакральным «практикам» – проявить убогость мысли. Даже деление Сборника на сакральное «мироздание», сакральные «знаки, символы и ритуалы» и сакральную «власть» полностью не охватывает всей сложности и многообразия понятия «сакральное».

Основания для существующей структуры сборника достаточно просты: изучив предложенные к публикации статьи, мы разделили Сборник на три раздела, где первый раздел «Мироздание», охватывающий мироустройство и включающий связанные с сакральным представления об астрологии, алхимии, природе, стихиях, местах погребения, ландшафтах и климате, был посвящен общим понятиям. Второй раздел касался более частных представлений о символах, культах и ритуалах, охватывал сакральные предметы, в том числе ритуальные сосуды и оружие, образы мусульманских святых, священные речи и тексты, числовую и похоронную символику, ритуал казни и самоубийства, сакральную символику письменных знаков (иероглифов), восприятие «души», «духа» и «духов» в китайской культуре. Третий раздел был посвящен различным проявлениям сакральной власти не только на Востоке, но и в Экваториальной Африке, включая доколониальный Бенин: соотношению светской, религиозной и сакральной власти восточных правителей, процессам эволюции сакральной власти, ее сакральной манифестации, сакрализации исходящих от нее даров, образам сакральной власти на Востоке.

Уважаемые рецензенты упрекают меня в том, что «статья А.И. Кобзева о душах и духах в Китае... скорее относится к первому разделу, и статья В.Ц. Головачева о суицидах в правящих кругах... могла бы быть уместна в последнем разделе» (с. 222). В сборник включены две статьи А.И. Кобзева. Статья, упоминаемая в рецензии, и уже опубликованная в энциклопедии «Духовная культура Китая» [Кобзев, 2007], была включена во второй раздел Сборника в связи с тем, что категории «души», «духа» и «духов» являются частными понятиями по сравнению с мироустройством, природой, ландшафтом и климатом. Что же касается статьи В.Ц. Головачева, то она с одинаковым успехом могла быть помещена и во второй разделе, где есть статья о монгольском средневековом ритуале в летописном рассказе об убийстве князя Романа Рязанского [Рыкин, 2017]), и в третьем разделе, повествующем о сакральности, связанной со всеми проявлениями власти.

Упрек уважаемых рецензентов в том, что «не вполне однозначное понятие “Восток” вообще никак не разъяснено во Введении» (с. 222), приходится решительно отвергнуть, так как любому грамотному востоковеду известно, что под «Востоком» понимается вся Азия и Африка севернее Сахары. Иное видение Востока требует дополнительного обоснования. В первом томе «Истории Востока» значится: «В данной работе “Востоком” называется территория азиатских и северо-африканских стран» [*История Востока*, 1997, с. 6] (в последующих пяти томах понятие «Восток» не пересматривалось). В связи с этим статья М.В. Николаевой о туарегах, проживающих в Сахаре как на территории Алжира и

¹ Эти сакральные предметы должны были обладать не просто «особыми» качествами, а необычными качествами, отличающими их от профанных предметов.

Ливии, так и в Мали, Нигере, Буркино-Фасо, относится как к Северной Африке, так и к Африке южнее Сахары, поэтому ее с полным основанием можно отнести к исследованиям о Востоке [Николаева, 2017].

Что же касается работы Д.М. Бондаренко и П.М. Рёзе о сакральной власти в доколониальном Бенине [Бондаренко, Рёзе, 2017], то «королевство» Бенин действительно находилось в современной Нигерии, расположенной в Тропической Африке, и не «вмещается» в традиционные представления о Востоке. Этот единственный случай нарушения укоренившегося в историографии употребления термина «Восток» лишь подчеркивает его устойчивость². Отвечу на замечание о том, что «оставшаяся часть “Введения” носит сугубо реферативный характер, представляя некоторые положения представленных в сборнике статей **без какого бы то ни было обобщения и заключительного вывода** (выделено мной. – А.Р.)» (с. 222–223).

Введение к сборнику статей призвано дать представление об исследуемом понятии в общем виде и в кратком виде познакомить читателя с содержанием издания, поэтому его «реферативность» представляется скорее достоинством, чем недостатком: основываясь на подобных «рефератах», читатель может выбрать статьи, представляющие для него интерес. Взыскиваемые в рецензии «обобщение и заключительный вывод» представляются на сегодняшний день совершенно невозможными. Проблема сакрального во всем многообразии аспектов его проявления на традиционном Востоке еще весьма далека от окончательного разрешения, и ставить во Введении задачу формулировать «обобщения и заключительный вывод» по столь сложной проблеме было бы просто безответственно.

На упрек в отсутствии в Сборнике «внутренней логики подачи материала» (с. 223) замечу, что искомая логика определяется отмеченным разделением на три части (сакральное «мироздание», сакральные «знаки, символы и ритуалы», сакральная «власть»), внутри которых статьи были сгруппированы по региональному принципу. То, что статьи «не всегда имеют своим предметом феномен сакрального в собственном смысле слова, скорее их объединяет “нечто, имеющее отношение к религиозным / околорелигиозным представлениям”», опровергается тем, что во всех статьях (кроме работ А.И. Кобзева, не считающего предметы своего исследования сакральными) в самых различных аспектах затрагивается проблема сакрального, в чем легко убедиться, ознакомившись с содержанием. Естественно, многие статьи касались и «религиозных / околорелигиозных представлений». Удивительно, как уважаемые рецензенты могли этого не заметить.

Рассмотрим следующий фрагмент: «Если бы А.Л. Рябинин не ограничился скудным пересказом Содержания с незначительными цитатами из статей, а привел бы теоретически обоснованное представление для каждой статьи, выявляющее предполагаемую связь с сакральным (раз уж сами авторы статей опустили этот «нюанс»), то и Введение выполнило бы свою основную задачу – внятно обрисовать, что же такое сакральное, которое воплощается в многообразных формах различных культур традиционного Востока, и в чем, собственно, заключается необходимость издания сборника, его концептуальная составляющая» (с. 223). Оставляя без внимания оскорбительную формулировку о «скудном пересказе», отмечу, что «теоретически обоснованное представление... выявляющее предполагаемую связь с сакральным» не было проделано авторами не случайно: они «опустили этот “нюанс”» не потому, что забыли, а так как на данном этапе изучения «явления сакрального» сделать это практически невозможно; любое теоретизирование выглядело бы легковесным. Изучение понятия сакрального находится на стадии сбора материала, требующего систематизации по пространственно-временному критерию, по ти-

² Представлялось нерациональным из-за одной статьи, не вмещающейся в соответствующие географические рамки, но предлагающей ценный сравнительный материал, менять название сборника на «Сакральное в традиционной Азии и Африке». Возможно, зря.

пам сакральных практик и по многим другим параметрам, которые в настоящий момент невозможно учесть, так как «база данных» сакрального недостаточна для выведения универсалий.

Помимо этого, учитывая то, что существуют различные точки зрения на «феномен сакрального» (см. позицию А.И. Кобзева), я совершенно сознательно оставил попытки теоретизирования по поводу понятия «сакральное на традиционном Востоке» как преждевременные. Сборник как раз и стал попыткой *собрать материал* о «сакральном», чтобы в будущем, пополнив его обновленной «базой данных», получить возможность обоснованного и фундированного теоретизирования. Как показывают сами уважаемые рецензенты, окончательное решение проблемы «сакрального» еще далеко от успеха: «концептуальные проблемы, которые возникают относительно выделенных во “Введении” характеристик сакрального, особенно хорошо видны на китайском материале. Первое данное там уточнение понятия сакрального указывает на “сферу неизвестного”, связанную “с понятием ритуального запрета”. Однако в представленном далее традиционном Китае мы не видим “сферы незрелого”, а описанные в статьях сборника такие “сакральные” практики, как алхимия, астрология, гадательное искусство, искусство разбивки сада, являются системами знаний и умений (как, впрочем, музыка, медицина и т.п.)... Не проясняет ситуацию и конкретизация сакрального через трансцендентное, поскольку приходит в противоречие с идеей отсутствия трансцендентного в Китае, отличавшей мировоззрение традиционного Китая от собирательного «Запада», что на концептуальном уровне давно было показано одним из авторов сборника – А.И. Кобзевым, с точки зрения которого Индия, отнесенная составителями сборника к “Востоку”, относится к “Западу”» (с. 223).

Все указанные в рецензии несоответствия понятия «сакральное» «сфере неизвестного, связанного с понятием «ритуального запрета», а также «конкретизации сакрального через трансцендентное», относятся лишь к китайской цивилизации, которой Восток далеко не исчерпывается. На всем остальном Востоке сакральность характеризуется именно причастностью к сфере «неизвестного» и «трансцендентного». Более того, отсутствие трансцендентного в Китае настолько отличает эту цивилизацию от остального мира, в частности от Индии, что уважаемые рецензенты апеллируют к концепции А.И. Кобзева, «с точки зрения которого Индия, отнесенная составителями сборника к “Востоку”, относится к Западу”» (с. 223), в то время как составители Сборника относят ее к Востоку. Правда, даже если в китайской цивилизации, как показывают работы А.И. Кобзева, Б.Л. Рифтина, Е.А. Торчинова, С.И. Блюмхена, действительно отсутствует понятие «трансцендентное» (полагаю, что проблема «трансцендентного в Китае» заслуживает дальнейших дискуссий), это не является определяющим критерием для разделения «Востока», представленного Китаем, и всего остального мира, якобы являющегося «Западом». Отличие «Востока» от «Запада» определяется не узкими философскими и религиозными критериями, а сложным комплексом социальных, политических, экономических и культурных отношений, в которых религия, мифология и философия занимают отнюдь не главное место. Так что упрек в том, что я отнес Индию (как, впрочем, Египет, арабские страны, казахов, монголов, Турцию, страны Ближнего Востока, тюрков, индонезийцев, туарегов, марокканцев, турок и тайцев) к Востоку, а не к Западу, как того требует концепция А.И. Кобзева, прошу переадресовать составителям российских и зарубежных учебников и авторам фундаментальных работ по истории Востока.

Меня упрекают в цитировании статьи А.Ш. Кадырбаева, употребившего выражение «некоторая сакральность», сопоставляемое уважаемыми рецензентами «с “некоторой беременностью”» (с. 231). Однако между беременностью и сакральностью существует разница. Беременность – свойство, объективно присущее женскому организму: она либо есть, либо ее нет. Если беременность едва заметна, то мы говорим «беременность малого

срока», если же деформация тела впечатляюща, говорят «беременность большого срока». Что же касается «сакральности Тимура», то сакральность человека, полководца, правителя существенно отличается от сакральности божеств, духов, природы. Вероятно, здесь можно говорить о большей или меньшей степени сакральности ее носителей с точки зрения воздействия на психику человека, хотя, как уже повторялось, проблема «сакрального» еще очень далека от разрешения. Кровавый полководец Тимур Ленг все же обладал меньшей степенью сакральности, чем божества и природные объекты, что и было передано местоименным прилагательным «некоторая».

На утверждение уважаемых рецензентов о том, что «подобную “сакральность” при желании можно усмотреть в любом крупном завоевателе и великом правителе, особенно если они пролили реки крови» (с. 231–232), возражу: сакрализации подлежали либо целые династии (как, например, династии французских королей), либо те кровавые полководцы и жестокие деспоты, экстраординарные деяния которых поражали воображение современников, например Тимур, складывавший пирамиды из человеческих черепов. Поэтому сакрализировались не «любые крупные завоеватели», а лишь те, масштабы деяний которых были исключительны.

Странно выглядят и некоторые менее общие замечания. Так, ответственному редактору ставится в упрек «неправильное» название статьи А.Ш. Кадырбаева: «Эмир Тимур – “последний из могижан” монгольской эпохи» (с. 231). Аргумент следующий: «“последний из могижан” – это последний представитель рода или племени, а Тимур, напротив, стал основателем династии и империи Тимуридов, правивших многие века (например, в Индии – до 1857 г.)» (с. 231). Выражение «последний из могижан» всегда имело коннотацию «выдающийся, принадлежащий к племени великих», поэтому понимание Тимура как «“последнего из могижан” монгольской эпохи» в смысле «последнего выдающегося правителя» этой эпохи – правильное. Рецензенты пишут, что «никак не прояснено и выражение “монгольская эпоха”, и вообще отношение Тимура к монголам: как генетическое (происходил из монгольского племени барласов, но был тюрком), так и военно-политическое (то ли боролся за восстановление Монгольской империи, то ли окончательно разрушал ее остатки)» (с. 231). Сентенция «происходил из монгольского племени барласов, но был тюрком» – нонсенс: очевидно, понятие «тюркизированные монголы» уважаемым рецензентам незнакомо. Что же до «монгольской эпохи», то она заканчивается где-то в XVI в., когда после распада империи потомков Тимура Среднюю Азию наводнили племена тюркоязычных узбеков, захватившие столицу тимуридов – Самарканд, а Россия подчинила себе Казанское, Астраханское и Сибирское ханства после уничтожения Крымским ханством Большой Орды. Среди правителей этих государств не было ни одного, сравнимого с Тимуром. Поэтому по масштабам завоеваний он вполне может считаться «“последним из могижан” монгольской эпохи».

В отношении моей статьи, которая, по определению уважаемых рецензентов, носит «обзорный характер и нацелена на то, чтобы охватить весь Восток» (с. 225)³, с одной стороны, констатируется, что «сделать это крайне сложно, поскольку тема “власти” – одна из самых изучаемых в мировой науке» (с. 225), а с другой, – утверждается, что «автор приводит один за другим набор хрестоматийных фактов из истории различных стран Востока (Китай, Япония, Корея, Вьетнам, Индия и т.д.), имеющих отношение к властным структурам... Такое незатейливое описание власти «галопом по Востокам» не только не может рассматриваться в качестве постановки проблемы (ввиду ее полного отсутствия в

³ Налицо когнитивный диссонанс: здесь рецензенты имеют в виду под странами «Востока», так же, как и я, Турцию, все страны к востоку от нее, а также страны Северной Африки, в то время как выше они придерживались концепции А. И. Кобзева, в соответствии с которой под «Востоком» понимается только Китай, а Индию следует относить к «собирательному» Западу (с. 223).

статье), но и не приемлемо для “научного издания”, поскольку не соответствует критериям даже студенческого реферата» (с. 225). Проблема власти на Востоке, действительно, весьма сложна, однако, поднимая вопрос о соотношении светской, религиозной и сакральной власти на Востоке (в чем же неприемлемость такой постановки проблемы?), я должен был, в соответствии с требованиями научности, представить набор кейсов, подтверждающих или опровергающих выдвинутую концепцию, суть которой в том, что в подавляющем большинстве стран традиционного Востока (за исключением Японии, частично – Вьетнама, затерянного в горах Непала, а также Хазарского каганата) вплоть до XX в. светская власть была объединена с религиозной. Это одно из существенных различий Востока и Запада, где светская и религиозная власть разделились еще в конце раннего средневековья, несмотря на попятное движение в период Реформации, когда формальными главами церкви в Англии, Дании, Швеции, а позже в Норвегии стали монархи этих государств, реальной религиозной властью обладали там архиепископы и епископы, а магистральная тенденция разделения светской и религиозной властей сохранилась. Буду благодарен за указание на работу, в которой идея соединения светской и религиозной властей на Востоке и разделения таковых на Западе хотя бы ставилась на обсуждение. Представляется, что «хрестоматийность» фактов, приводимых для доказательства, несколько не снижает научный характер аргументации. Главное, чтобы факты были верны, а аргументация убедительна.

Вторая претензия касалась освещения в статье соотношения сакральной и светской власти. Действительно, эта тема не получила достаточного развития, но она не уступает по важности первой, так как имеет первостепенное значение для современного Востока. Во многих восточных странах, даже при формальном разделении управленческих полномочий, власть (прежде всего – исполнительная) до сих пор воспринимается как сакральная сущность – примерно так же, как ее воспринимают уважаемые рецензенты: «мысль о том, что власть во всех культурах и во все времена носит сакральный характер, относится к числу азбучных истин, которая не требует доказательств» (с. 225). Не соглашусь: это утверждение противоречит современным представлениям о власти и даже учебникам политологии для I курса. Неужели авторы рецензии не слышали об эпохе Просвещения, об Английской Революции XVII в., об антианглийской революции в САСШ, в конституциях которых записано право народа на восстание против деспотической власти, наконец, о Великой Французской Революции, определившей источник власти не в сакральной фигуре монарха, а в народе как совокупной политической целостности? Вся европейская история Нового времени – история *десакрализации* власти. Не пребывают ли уважаемые рецензенты в средневековье, судя о критериях научности из глубины веков?

И все же проблески современного сознания в рецензии присутствуют: откровения вроде «власть сакральна и в атеистических обществах» (с. 225) не помешали оценке «интересной идеи, сформулированной в финальном абзаце [и] состоящей из двух предложений»: «Первое: “Соединение в одном лице светского и религиозного (сакрального) правителя укрепляло государство в военном отношении, но тормозило его социальный и политический прогресс”... Но основная мысль статьи сформулирована во втором предложении: “Такова судьба большей части стран Востока, и, возможно, именно в этом заключается одна из важнейших причин их социальной и политической отсталости”» (с. 225). Что ж, без изложения раздражающих «хрестоматийных фактов», «неприемлемых для “научного издания», мне бы не удалось обосновать свою «интересную мысль».

Теперь о главном. Высказывание по поводу «интересной мысли» относительно «важнейших причин... социальной и политической отсталости» стран Востока развивается: «...судя по этому заключению, автор и хотел поставить проблему о поиске “важнейших причин” их (стран Востока) социальной и политической отсталости... Возникает вопрос: отсталость от кого (чего)? В статье это не проговаривается, лишь в самом начале упомя-

нут античный полис, для которого не были характерны описанные автором явления. Значит ли это, что речь идет об отсталости стран Востока (Азии и Африки) от стран Запада (Западной Европы)? Если да, то тогда проблема переносится в плоскость анализа феномена особого, отличного от других частей света, пути развития государств Западной Европы и их глобальной экспансии в Новое время, т.е. эпохи колониализма» (с. 225). Во-первых, рецензенты, вероятно, невнимательно читали статью, в которой прямо говорится не только о греко-римском мире, где светская, религиозная и сакральная власть не соединились в едином суверене, но и о средневековом Западе: «На Западе в это время (в Средние века) сферой культа распоряжались специальные религиозные власти, которые в католических странах подчинялись папе Римскому и его представителям в национальных государствах» [Рябинин, 2017, с. 426]. Первое в истории разделение властей, закрепившееся на континентальной Западной Европе всерьез и надолго, в Азии могли позволить себе только «островные» (Япония) и «горные» (Непал) государства, удаленные от основной арены битв континентальных стран. Последовавшее после Реформации формальное соединение светской и религиозной власти в Европе имело ту же территориальную симметрию: оно имело место «на окраинах» Западной Европы (в Англии, впоследствии – Великобритании, включающей Шотландию и Ирландию) и в Северной Европе (Дании, Швеции, Норвегии), т.е. разделение светской и религиозной власти имело место на большей части Западной Европы на протяжении всего Средневековья и большей части Нового времени.

Во-вторых, в статье речь шла о соединении светской и религиозной власти на Востоке – не в качестве *причины* социально-политической отсталости стран Востока, но *как следствие* необходимости постоянно давать отпор кочевникам, противостоять мощной «варварской периферии», что требовало концентрации всей полноты сильной государственной власти в одних руках. В-третьих, в процитированной фразе речь идет, конечно же, об отсталости стран Азии и Африки от стран Западной Европы. Я не перенес эту проблему «в плоскость анализа феномена особого... пути развития государств Западной Европы» (с. 226) просто потому, что статья была посвящена не этой проблеме. Говоря о европейской «глобальной экспансии в Новое время», уважаемые рецензенты пишут: «тогда был нарушен или прерван **естественный** (*выделено мной. – А.Р.*) ход исторического процесса на всех других континентах – в Азии, Африке и Америке» (с. 226). Хотелось бы узнать, что, с точки зрения авторов рецензии, является «естественным», а что «противоестественным» ходом исторического развития? Если колониальное завоевание есть неестественное развитие, то не прерывают ли естественный ход развития монгольское и тюркское завоевания? Создание на территории Римской империи варварских королевств? Завоевание арабами и берберами Испании? Арабские завоевания в целом? Считать ли естественным ходом развития только исключаящее крупномасштабные завоевания, войны и вооруженные конфликты? Не превращается ли такой «естественный» ход мировой истории в «дистиллированную» водичку, всякое загрязнение которой сочтется противоестественным? И почему почти тысячелетнее господство Китая над южными вьетами – естественный ход исторического развития, а столетний колониальный режим во Вьетнаме в XIX–XX вв. – неестественный?

Критерий того, что считать естественным ходом исторического развития, а что нет, пока не найден; все, что произошло в истории, естественно. Поэтому не стоит «кидаться словами», особенно полузабытыми советскими штампами. Развивая тему «отсталости Востока от Запада», рецензенты пишут: «Поднятая в статье проблема возвращает к необходимости выявления тех особенностей развития народов Западной Европы, которые сделали возможным такое **беспрецедентное** вмешательство в жизнь **других народов мира** (*везде выделено мной. – А.Р.*). Возникает вопрос, насколько правомерно сведение проблемы феномена власти на Востоке к ее рассмотрению как источника «отсталости».

Нам представляется, что подавляющее превосходство Западной Европы (на определенном, сравнительно коротком отрезке исторического развития) в области науки и техники, в том числе военной, отражает исключительную уникальность развития Западной Европы. Но ни как (*sic!* – *A.P.*) не отсталость всех иных стран» (с. 226).

Соглашусь с тезисом о «необходимости выявления... особенностей развития народов Западной Европы»: именно отличием исторического развития Востока от Запада я и занимаюсь в течение долгого времени. Но с тем, что эти «особенности» породили «беспрецедентное вмешательство в жизнь других народов мира», согласиться трудно. Среди уважаемых рецензентов, по крайней мере, два известных мне китайста, поэтому приведу несколько примеров из истории Китая. До середины 1-го тыс. до н.э. к югу от р. Янцзы проживали предки народов мяо-яо и юэ (вьеты), почти полностью уничтоженные либо ассимилированные хуася (китайцами). Разве это не прецедент? Около 300 лет «шестнадцать царств пяти варварских народов» господствовали над Северным Китаем, превратив местное население в людей второго сорта. Прецедент? Монголы управляли Китаем почти столь же долго, сколько французы Индокитаем. Тоже прецедент. Почти 40 лет маньчжуры покоряли Китай, а затем более двухсот лет всячески унижали китайцев. Прецедент. И только европейцы, наряду с жестким подавлением сопротивления внедрявшие прогрессивные методы землепользования, строившие перерабатывающие фабрики, создававшие модернизированную инфраструктуру, внедрявшие европейскую систему образования, деформировавшие традиционный социум для продвижения к новым стандартам, способствовавшие созданию современной партийной структуры и внедрению гражданской политической культуры, приведшему в некоторых странах к зарождению демократических традиций (в Индии), во всю силу «заигравших» после обретения независимости, – именно они, конечно, осуществляли «беспрецедентное вмешательство в жизнь других народов».

Проблема анализа «феномена особого... пути развития государств Западной Европы и их глобальной экспансии в Новое время» интересует уважаемых рецензентов лишь в плане «выявления особенностей развития народов Западной Европы, которые сделали возможным... беспрецедентное вмешательство в жизнь других народов мира». «Беспрецедентность» этих тенденций я уже наглядно показал, но самое важное в изучении «западноевропейского опыта» состоит в том, что на его основе сформировались современные общечеловеческие ценности, принятые мировым сообществом как эталон и зафиксированные в документах ООН. Это прежде всего права человека, демократия и разделение властей, на которых строится современное государство, независимые суд и пресса, а также множество иных институтов, ранее чуждых не только азиатским, африканским и латиноамериканским, но и восточноевропейским социумам. Некоторые «незападные» страны (в Азии – Индия, Япония, Тайвань, Южная Корея) уже добились больших успехов на пути продвижения к ним. Когда я пишу эту статью, яростно борется за свои западные институциональные ценности Гонконг, собирая на демонстрации треть населения.

Уважаемые рецензенты пишут, что «изучение... [феномена особого пути развития государств Западной Европы и их глобальной экспансии в Новое время. – *A.P.*] – задача не столько классической ориенталистики (востоковедения), сколько оксиденталистики (западноведения)» (с. 226). Разделение на ориенталистов и оксиденталистов весьма искусственно: настоящий историк должен знать историю и Востока, и Запада, лишь тогда он сможет обоснованно судить об общем и особенном в историческом развитии своего региона. Именно ориенталист и призван сказать веское слово о «западном чуде», так как понимает, что Западная Европа, отгороженная от крупных военных экспансий с востока горами, лесами и героизмом русского народа, развивалась в «тепличных условиях». Для западника историческое развитие изучаемых им стран – магистральный путь развития

человечества. До самого конца СССР в учебниках по всемирной истории основное внимание уделялось Европе и Северной Америке, тогда как Азия, Африка и Латинская Америка представлялись неким отходом от закономерностей, определяемых сменой формаций. На самом деле все наоборот. Магистральный путь развития человечества представляет как раз азиатско-африканско-американская (доколумбовая) линия (вернее, расширенные циклы), тогда как западноевропейская эволюция, имевшая в багаже античность, феодализм и капитализм, стала исключением, сформировавшимся под воздействием особо благоприятных условий, способствующих появлению тех основ современного общества, что служат основанием современной цивилизации и зафиксированы в Декларации и Уставе ООН. Именно востоковед может в полной мере оценить значение западноевропейских ценностей, приобретающих всемирный характер, но чрезвычайно хрупких и уязвимых под напором азиатско-африканских традиций, размывающих западные ценности в глобализирующемся мире. Именно историк-ориенталист, ищущий в развитии изучаемых стран явления, характерные для Запада, воспринимает западный путь как нечто выбивающееся из норм и закономерностей «магистральной» линии. Порой удается найти на Востоке явления, характерные для Запада (например, японский феодализм), и кажется, что хотя бы одно восточное государство «дотянет» до европейского уровня, но исторические условия меняются и эта страна снова «срывается» в традиционную колею. Поэтому изучение феномена «отличного пути развития» важно прежде всего для выявления того, чего на Востоке не было, для определения факторов, не давших Востоку возможности стать местом возникновения «западного чуда».

Уважаемые рецензенты правильно отмечают: в отличие от ориенталистики, науки «оксиденталистики» не существует. В этом есть и плюсы, и минусы. Плюсы в том, что страновед-ориенталист должен знать о своей стране все: историю, литературу, экономику, общественный и государственный строй, этнические процессы, быт и т. д. Минусы содержатся в обратной стороне подобного подхода: при столь широком взгляде востоковед не имеет возможности глубоко изучить каждый аспект, в этом «проклятие» востоковедения как комплексной, универсальной науки. Но по мере накопления знаний специализация востоковедов углубляется, и сегодня историк-востоковед не обязан быть лингвистом, а экономист – этнологом. При этом плюсы такого универсализма сохраняются: востоковед больше знает о разных аспектах изучаемой им страны, чем специалисты по западным обществам, крайне дифференцированные в знаниях. Так что востоковедам не стоит ждать создания «оксиденталистики», чтобы выяснять причины «особого пути Западной Европы» и ее экспансии в Новое время. Каковы же они?

Авторы рецензии пишут: «С точки зрения востоковедения, очевидно, что даже при «соединении в одном лице светского и религиозного (сакрального) правителя» все охарактеризованные автором государства Азии... в рамках своих регионов были вполне самодостаточными и вполне соответствовали историческим условиям социального и экономического развития. Они не были «отсталыми» по отношению к своим соседям. Напротив, развиваясь в рамках законов генезиса государственности, характерных для каждого из мировых регионов, они достигали значительных высот. Государства – лидеры регионов на фоне своих соседей были исключительно сильны, и их политическое влияние базировалось, в том числе, на передовом и исключительном развитии в рамках региона устройстве власти. Соответствующим политической культуре региона, особенностям этнического разнообразия населения и сложившихся хозяйственно-экономических связей» (с. 226). Как понять выражение в «с точки зрения востоковедения»? Неужели оно располагает особенной точкой зрения на исторический процесс, отличной от общей исторической науки? Выходит, «с точки зрения востоковедения», азиатские государства были сильны, а на самом деле – слабы, так как не выдержали натиска европейской экспансии.

Дело не в востоковедении, а в традиционном подходе, вдалбливавшемся в СССР, а затем регенерировавшемся в современной России: якобы, не только сила, но и прогресс общества определяются силой государства. На самом деле все наоборот: один из основных факторов общественного прогресса не сила, а *слабость* государства и *сильное общество*, имеющее собственную организацию и отличные от государственной власти институты. Повсюду на Востоке (кроме средневековой Японии) государство подавляло общество, подчиняло социальные корпорации и порабощало личность. Вплоть до самого последнего времени самодостаточной личности там так и не появилось: не появилось индивида, интериоризировавшего чужой опыт, вырабатывавшего собственные идеи и готового их отстаивать даже ценой жизни. Поэтому сильное государство соседствовало со слабым обществом, обладавшим чрезвычайно слабыми социальными институтами, пропитанными этатизмом.

Действительно, отдельные азиатские государства не были «отсталыми» по отношению к соседям (иначе те бы их поглотили); остались только «центры силы», способные выдержать натиск соперников. Основным фактором, заставлявшим восточное государство наращивать силу, было наличие не просто варварской периферии, а мощного кочевнического ареала, простиравшегося от Маньчжурии до Средней Азии и периодически выплескивавшего «волны ненависти» на берега оседлых соседей, вплоть до Ирана, Малой Азии, прикаспийских и причерноморских степей, Паннонии.

Ничего подобного не было в Европе с середины X в. (последними кочевниками, проникшими в Германию, были венгры, в 955 г. разгромленные Оттоном I), лишь в 1241 г. монголы прошли смерчем по Восточной и Центральной Европе, но после смерти Угэдэя спешно отступили для избрания нового правителя, и Европа была спасена. Именно в этот период в Европе произошла «феодалная революция», появились свободные города (отсутствовавшие на Востоке, за исключением XIV–XVI вв. в Японии), торговые гильдии и ремесленные цеха, возобновилась рецепция римского права, наконец, образовались парламенты, представляющие не только светских и духовных феодалов, но и горожан. Общество заявило претензии на участие в сборе и распределении налогов. Лозунг «Нет налогов без представительства» могли бы сформулировать не колонисты в Северной Америке середины XVIII в., а европейские горожане XIII–XV вв.

«Подавляющее превосходство Западной Европы» заключалось не в «области науки и техники, в том числе военной», а в принципиально иных отношениях между государством и обществом, в XIX–XX вв. эволюционировавших в направлении подчинения государства обществу. Прогресс науки и техники, рывок в военной сфере – производные от изменения социально-политической системы, приведшего к высвобождению творческих сил личности из-под гнета феодала и государства, выраженному в шпенглеровском «фаустовском духе», а вот восточные страны, не будучи «отсталыми» по отношению к своим соседям», отставали по уровню социально-политического развития. Поэтому утверждение, что «...лидеры регионов на фоне своих соседей были исключительно сильны, и их политическое влияние базировалось, в том числе, на передовом и исключительном развитии **в рамках региона** (выделено мной. – А.Р.) устройстве власти» верно лишь по отношению к их восточным соседям.

Действительно, уровень развития стран Востока соответствовал «политической культуре региона, особенностям этнического разнообразия населения и сложившихся хозяйственно-экономических связей», т.е. значительно уступал западноевропейскому. В Нидерландах XVI в., в Англии XVII в., во Франции конца XVIII в. политическая культура стала гражданской, тогда как на Востоке она оставалась либо парохильной, либо подданнической. Не соглашусь, что «едва ли правомерно ставить проблему отставания государств мира (в том числе Азии) от государств Запада. Ведь они представляли собой иные направления развития, отличные от западного» (с. 226). Даже если Запад развивался ли-

нейно-поступательно, а Восток в рамках расширенных циклов, уровни развития можно и нужно сравнивать. И тогда придется признать, что в социально-политическом развитии, отнюдь не всегда производном от экономических отношений (на Востоке вплоть до начала Нового времени с ними все обстояло благополучно), начиная с XIII–XIV вв. Запад намного опережал Азию и Африку.

Совершенно не согласен с утверждением: «едва ли можно оспорить, что другие народы других континентов ни при каких обстоятельствах не смогли бы достичь того уровня технологического и социального развития, при котором они стали бы “сильнее” стран Западной Европы» (с. 226). Если бы условия существования стран Востока изменились так, что у них исчезла необходимость поддерживать огромные госструктуры, мобилизационный тип экономики и подчинение корпораций и индивидуума этатистскому монстру, они достигли бы уровня развития, при котором «стали бы “сильнее” стран Западной Европы». Именно такой пример демонстрируют современные Япония, Тайвань, Южная Корея и Индия. Китай же, полагаю, ждут не только сокращение темпов экономического роста, но и серьезные структурные социально-политические изменения, приводящие его политическую систему в соответствие с экономическими требованиями. Поэтому не правы уважаемые рецензенты, когда утверждают, что «проблема лежит не в сфере властных отношений, а в изучении особенностей развития стран и народов Западной Европы» (с. 226).

Проблема европейского и неевропейского пути развития лежит именно в сфере властных отношений, определяющихся такими факторами, как наличие или отсутствие кочевнической периферии и мощных внешних центров силы. Именно последние определяют политический режим и государственную структуру со свободным или мобилизационным типом экономики. Главным отличием исторического развития стран Запада и Востока является то, что **в первых общество** (с определенными перерывами, откатами и даже открытым «реваншем») **определяло конфигурацию власти, а во вторых – власть** (за исключением горных, пустынных и части степных социумов) **определяла конфигурацию общества.**

Отмечу в заключение, что, если не считать не вполне академическую манеру изложения, рецензия достаточно полезна, так как временами слабое знакомство с фактами и невнимательность (уверен: речь не идет о намеренном передергивании) дают возможность восполнить недоговоренности, прояснить недосказанности, а также изложить новации, относящиеся даже не столько к теме «сакрального», сколько к различным аспектам исторического процесса на Востоке и Западе. Относительно же тона рецензии хочу напомнить уважаемым рецензентам, что после смерти Мао Цзэдуна «группа четырех» мгновенно превратилась в «банду четырех», и это клеймо лежит на ней и доныне.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Бондаренко Д.М., Рёзе П.М. Укрепление сакральной власти: условные значки и рисунки как средства хранения и передачи историко-культурной информации в доколониальном Бенине. *Сакральное на традиционном Востоке*. М.: ИВ РАН, 2017. С. 458–479 [Bondarenko D.M., Roesse P.M. Strengthening of Sacred Power: Icons and Designs as Means of Storage and Transfer of Historical and Cultural Information in Pre-Colonial Benin. *Sacred in the Traditional Orient*. Moscow: IOS RAS, 2017. Pp. 458–479 (in Russian)].

Горшунова О.В. Йоан Кулиану: в четвертом измерении. *Эрос и магия в эпоху Возрождения*. СПб: Издательство Ивана Лимбаха, 2019. С. 5–48 [Gorshunova O.V. Ioan Culianu: In the Fourth Dimension. *Eros and Magic during the Renaissance*. Saint Petersburg: Ivan Limbach Publishers, 2019. Pp. 5–48 (in Russian)].

Железнова Н.А., Ульянов М.Ю., Орлова Н.А., Дмитриев С.В. Рецензия на «Сакральное на традиционном Востоке». Отв. ред. А.Л. Рябинин; ред.-сост. Д.Д. Васильев, О.А. Королева, Н.И. Фо-

мина; Институт востоковедения РАН. М.: ИВ РАН, 2017. 576 с.; 8 ил. ISBN 978-5-89282-736-2. *Vostok (Oriens)*. 2019. № 2. С. 221–232 [Zheleznova N.A., Ulianov M.Yu., Orlova N.A., Dmitriev S.V. Sacred in the Traditional Orient. Exec. ed. A.L. Ryabinin; ed.-comp. D.D. Vasiliev, O.A. Koroleva, N.I. Fomina. Moscow: IOS RAS, 2017. 576 p.; 8 ill. ISBN 978-5-89282-736-2. *Vostok (Oriens)*. 2019. No 2. Pp. 221–232 (in Russian)].

История Востока в шести томах. Том I. Восток в древности. М.: «Восточная литература», 1997 [*History of the Orient (in 6 vols)*. Vol. I. Orient in the Ancient Times. Moscow: Vostochnaia Literatura, 1997 (in Russian)].

Кобзев А.И. Душа, дух и духи. *Духовная культура Китая: энциклопедия*. Т. 2: Мифология. Религия. М.: «Восточная литература», 2007. С. 114–117 [Kobzev A.I. Soul, Spirit, and Spirits. *Chinese Spiritual Culture: The Encyclopedia*. Vol. 2: Mythology, Religion. Moscow: Vostochnaia Literatura, 2007. Pp. 114–117 (in Russian)].

Николаева М.В. Туареги Сахары: сакральные ритуалы при рождении ребенка. *Сакральное на традиционном Востоке*. М.: ИВ РАН, 2017. С. 400–418 [Nikolaeva M.V. The Tuaregs of Sahara: Sacred Rituals at the Time of Child's Birth. *Sacred in the Traditional Orient*. Moscow: IOS RAS, 2017. Pp. 400–418 (in Russian)].

Рыкин П.О. Монгольский средневековый ритуал в летописном рассказе об убийстве князя Романа Рязанского (1270). Опыт интерпретации. *Сакральное на традиционном Востоке*. М.: ИВ РАН, 2017. С. 343–358 [Rykin P.O. Mongol Medieval Ritual in the Chronicle Record about the Murder of Prince Roman of Riazan (1270). An Interpretation. *Sacred in the Traditional Orient*. Moscow: IOS RAS, 2017. Pp. 343–358. (in Russian)].

Рябинин А.Л. Сакральная, религиозная и светская власть на Востоке (к постановке проблемы). *Сакральное на традиционном Востоке*. М.: ИВ РАН, 2017. С. 426–457 [Ryabinin A.L. Sacred, Religious and Secular Power in the East: Defining the Problem. *Sacred in the Traditional Orient*. Moscow: IOS RAS, 2017. Pp. 426–457 (in Russian)].

Сакральное на традиционном Востоке. Отв. ред. А.Л. Рябинин; ред.-сост. Д.Д. Васильев, О.А. Королева, Н.И. Фомина. М.: ИВ РАН, 2017 [*Sacred in the Traditional Orient*. Ex. ed. A.L. Ryabinin; ed.-comp. D.D. Vasiliev, O.A. Koroleva, N.I. Fomina. Moscow: IOS RAS, 2017. Moscow: IOS RAS, 2017 (in Russian)].

Элиаде М. *Священное и мирское*. М.: Изд-во МГУ, 1994 [Eliade M. *Sacred and Profane*. Moscow, MSU Publishers, 1994 (in Russian)].

Элиаде М. *Сакральная власть в истории цивилизаций*. М.: ЦЦРИ РАН, 2005 [Eliade M. *Sacred Power in the History of Civilizations*. Moscow: Centre for Civilizational and Regional Studies RAS, 2005 (in Russian)].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

РЯБИНИН Алексей Леонидович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, профессор Национального Исследовательского Университета «Высшая Школа Экономики», заведующий Кафедрой стран Восточной Азии Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) Москва, Россия.

Alexei L. RYABININ, DSc (History), Principal Research Fellow, Institute of Oriental Studies, RAS, Professor, National Research University Higher School of Economics (HSE), Chair of the East Asian Studies, State Academic University for the Humanities (GAUGN), Moscow, Russia.